

13. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2008: from E-Government to Connected Governance. Geneva, 2008. 172 p. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan028607.pdf>. Проверено 10.02.13.
14. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People. Geneva, 2012. 144 p. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf>. Проверено 10.02.13.

Ермаков Ю.А.,
г. Екатеринбург

ЧИНОВНИКИ И ПРИМАТЫ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ КОРРУПЦИИ

Многие страны и народы сегодня, включая самые развитые, становятся всё более озабоченными в отношении роста масштабов и пагубности влияния коррупционных явлений на успешное развитие человеческой цивилизации. Устойчивость общественного прогресса, эффективность государственного управления, демократизм политических отношений социальных групп и классов, наконец, этическая полноценность жизнедеятельности индивидов в социуме – всё это, как и многое другое, подвергается коррупцией разлагающему воздействию. При этом нельзя забывать, что нет ни одной важной сферы общественной жизни, которая в истории человечества сумела бы избежать её тлетворного влияния.

Действительно, коррупция – не новое явление, оно идёт из глубокой древности. Упоминание о ней уже есть в архивах Древнего Вавилона. В римском праве и латинском языке коррупция трактовалась как порча, упадок, разрушение, подкуп, совращение, нарушение, фальсификация, осквернение,

превратность, преступление, притон, искажение, обогащение, слом, расторжение [1]. Н. Макиавелли объяснял, например, падение Рима расцветом коррупции и разврата. Т. Гоббс считал коррупцию корнем и причиной, порождающими «презрение ко всем законам» [2]. В России с древних времен известны такие коррупционные явления, как кормление, мздоимство, посул, лихоимство, поборы, взяточничество, кумовство, протекционизм, «блат» и многие другие. В царствование Ивана III коррупцию ограничили законодательно, а Иван Грозный впервые ввёл смертную казнь за чрезмерность во взятках.

И сегодня российское общественное движение «За честные выборы», «За честную государственную власть», вылившееся в конце 2011, в 2012 году на площади и улицы российских городов в лице десятков тысяч участников, движимо протестом против фальсификаций при всенародном голосовании, против произвола чиновников и применения ими пресловутого административного ресурса в процессе выборов. Если сказать другими словами, то это очевидный протест против политической коррупции.

Следует упомянуть и тот факт, что в нынешних панарабских волнениях и мятежах народные массы в Тунисе, Египте, Ливии, Алжире, Бахрейне, Сирии, других государствах Северной Африки и Ближнего Востока также требуют в качестве первоочередной меры от своих правительств – прекратить разлагающую государство и общество коррупцию.

Вместе с тем, ООН сегодня уже принята Конвенция и Глобальная Программа против коррупции, разработаны десятки документов по её предотвращению в международной сфере. Совет Европы и Евросоюз также приняли свои антикоррупционные Декларации и, кроме того, создали ГРЕКО – постоянно действующую международную организацию, оказывающую практическую помощь различным странам, включая Россию, в борьбе с этим пагубным явлением.

Следует сказать, что и Россия ратифицировала большинство международных документов, направленных на борьбу с коррупцией. Помимо

этого, в стране принят ряд своих законодательных актов, включая федеральный и региональные законы о противодействии коррупции, президентские указы о декларировании доходов и расходов чиновников, о создании специальных правоохранительных подразделений в судах и Следственном комитете, направленных на искоренение коррупции среди должностных лиц в государственных органах власти. Однако, несмотря на активное формирование российской антикоррупционной политики, включающей участие высших лиц государства и активность множества общественных организаций, Россия, по данным международной организации «Трансперенси Интернешнл», стабильно занимает 143 и ниже позицию по масштабам коррупции, оказываясь в ряду с такими странами, как Азербайджан, Афганистан, Гамбия, Индонезия, Того и им подобные. При этом объем коррупции достигает в России сегодня полбюджета страны – гигантской суммы в 300 млрд. долларов [3].

Сила и живучесть коррупции, её глобальность и многоликость, непреодолимая притягательность для должностных лиц и чиновников отчасти объясняется следующим обстоятельством, выявленным в различных научных исследованиях. На рациональном уровне люди оценивают коррупцию как отрицательное явление, однако очень часто в глубине души воспринимают её не только как непобедимое, вездесущее, всепроникающее, но и почти как естественное, свойственное самой природе человека [4]. Может быть, в этом глубинном и подсознательном ощущении есть зерно истины?! Другими словами, может быть, в борьбе с коррупцией следует учитывать и антропологическую глубину, экзистенциальность родственных коррупции природных программ бессознательного поведения человека? Ведь не следует забывать, что мы имеем близких, похожих на нас, генетических родственников в лице, например, человекообразных обезьян, а 95% текста ДНК у человека и шимпанзе вообще совпадают! При этом пятипроцентное расхождение – результат независимой эволюции в течение 10 млн. лет. Если об этом помнить, то тогда ещё раз подтверждается хорошо известное и

гениальное определение Аристотелем человека как «животное политическое». Конечно, великий знаток зоологии и животных Аристотель, в первую очередь, похвалил человека в своей «Политике», сделав акцент на слове «политическое». Но, может быть, стоит пристальнее посмотреть на «животные» основания поведения человека в политике и обществе, раскрыв при этом родственность природных программ жизнедеятельности приматов, включая высших.

В самом деле, этологи, например, давно разоблачили сказку о первобытном коммунизме как выдумку гуманитариев, ничего общего с подлинной историей возникновения человека не имеющей. У его предков – гоминид – в организации общностей господствовала устойчивая иерархия, где отдельные особи располагались сверху донизу иерархической пирамиды – с доминантами и субдоминантами наверху и «подонками», которыми можно помыкать, внизу. Иными словами, власть была проявлением законов построения иерархий не только в животном, но и в первобытном человеческом мире. С набором этих инстинктивных программ люди впоследствии вступили в имущественные, экономические отношения между собой.

А, между тем, агрессия, иерархия и доминирование у разных видов общественных животных служат для этологов «ключом» к объяснению их врожденных программ, нацеленных, например, на присвоение чужого добра [5].

Так, у приматов существует программа отнятия различных благ у стоящих на нижних ступенях иерархии своих сородичей. При этом осуществляется она без применения физической силы, «по праву» господства и доминирования. Эта программа, к примеру, у общественных обезьян укореняет в их психике и поведении иерархию таким образом, что подчиненные особи покорно и безропотно отдают те свои блага (пищу, самок и т.п.), которые вызвали интерес доминанта. Разве такое получение «статусной ренты» не напоминает получение подношений чиновниками,

должностными лицами, которые им добровольно предлагают просители в лице отдельного человека или коммерческой фирмы?

Точно также использование бюрократией такого классического коррупционного явления, как конфликт интересов, толкающего участвовать в сделках, приобретать должности или удовлетворять коммерческий интерес, несовместимые с официальным положением чиновников и их обязанностями, по закону исключают личное обогащение. И в этом случае коррупционное использование чиновниками своего властного положения и доминирования очевидно.

Ещё одна инстинктивная программа, многократно описанная этологами, – это захват и удержание самого источника благ: богатого кормом места, плодоносящего растения, источника воды, стада малоподвижных животных и т.п. (как здесь не вспомнить агрессивный делёж бюрократией природных ресурсов – нефти, газа, металлов, леса, воды и т.п.). Захваченное добро при этом удерживается силой: всех других прогоняют. Естественно, что удержать за собой источник благ может лишь сильная особь. Поэтому для посторонних сам факт обладания этим благом – признак силы и власти.

У человека подобная программа проявляется ещё в раннем детстве, например, в борьбе внутри детсадовской группы за самые интересные и привлекательные игрушки. Однако облеченные властью взрослые дяди уже нередко на вполне законных основаниях и часто силовым образом присваивают себе ценные общественные ресурсы – землю, предприятия, недвижимость, транспорт, предметы искусства и т.д. Или, например, осуществляют себе во благо нецелевое, мягко говоря, расходование бюджетных средств. А в худших случаях получают «откаты» от бизнесменов, частных фирм за приоритет в предоставлении им государственных заказов, имущественных льгот, налоговых послаблений. Иными словами, распоряжаются и торгуют захваченным «источником благ» (долями госбюджета, например) по своему усмотрению и произволу в распределении общественных ресурсов.

Есть ещё животные программы заплучения чужой собственности, имеющие аналогии у людей в рамках их действий соответственно занимаемому месту в общественной иерархии. Так, простейшая животная программа отнятия чужого имущества силой благодаря физическому превосходству (ограбление) достаточно явно напоминает о себе в чиновничьем вымогательстве – принуждении человека заплатить деньги или предоставить другие ценности в обмен на бюрократическое действие или бездействие. И, наоборот, элементарное воровство у животных, когда стоящая на нижних ступенях иерархии особь тайно похищает у более высокой по рангу какие-либо ценности, у людей может обнаруживаться в том, что называется растратой казенных средств – краже общественных ресурсов людьми, получившими к ним по тем или иным причинам бесконтрольный доступ. И если животные, применяя разные уловки, воруют тайно, а стащив, припрятывают или незаметно поглощают, то и нечистый на руку служащий, похитив чужое, поступает аналогичным образом.

Чрезвычайно интересна в контексте коррупции такая программа, развитая, например, у обезьян и ворон, как мошеннический обмен. Он у них всегда обманной, поскольку есть очень хитрые программы о том, как обдурить партнера, подсунуть ему не то, захватить оба предмета, которыми они меняются. Надо ли говорить, что и у человека такой нечестный обмен тоже развит. Как говорится, не обманешь – не продашь. У бюрократии этот обмен обретаёт уже такой коррупционный состав, как мошенничество – поведение чиновников, направленное в результате злоупотребления доверием на обман, одурачивание человека или юридического лица для собственной выгоды или выгоды третьей, аффилированной с чиновником, стороны.

Есть ещё несколько животных программ построения иерархий и удержания в них власти доминантами и субдоминантами, аналогии которых можно найти в коррупционных правонарушениях в человеческом обществе. Так, среди стадных собакоподобных обезьян – павианов, бабуинов, гамадрилов

– борьба за иерархический ранг составляет дело всей их жизни, поскольку доминантное положение позволяет иметь больше самок, пищи, приращивать территорию стада. А занимающие в результате борьбы за власть низший ранг обезьяны, особенно те, кто находится на дне пирамиды («подонки»), испытывая страх, постоянно пребывают в стрессе, чаще заболевают, меньше живут. Но и у людей в автократическом государстве тиран, как правило, окружен сатрапами, которые проявляют жесткость, подлость и агрессивность к нижестоящим. При этом иерархи стадных обезьян никогда не делятся с нижестоящими тем, что добыли сами. Но, вместе с тем, отдают им отнятое у других, то, что оказалось ненужным самому, невозможно спрятать за щеку или съесть. Этими подачками они проявляют не столько заботу о ближнем, сколько утверждают свой ранг, свое господство.

Так и среди людей чиновники предоставляют в пользование общественные ресурсы или назначают государственные услуги своим знакомым, приятелям, родственникам в соответствии с их принадлежностью к определенной партии, религии, роду, секте, другим предпочтительным общественным формированиям. Таким образом, эти группировки обретают коррупционный статус фаворитов, простейшее проявление которого кумовство – выдвижение руководителем своих близких на государственные и «хлебные» должности.

Приведенные нами из жизни приматов примеры захвата, присвоения, хищения чужой собственности позволяют, как мне кажется, утвердиться в предположении о том, что многие коррупционные правонарушения имеют своими предпосылками инстинктивные программы поведения человека. Причем, хорошо известно, что врожденную мотивацию своего поведения человек, как правило, не чувствует, считая, что он сам так решил, так он хочет, так ему надо. Очень часто при этом объясняет свое поведение путанно и неадекватно. А, между тем, - и это очень важно - эти программы запускаются, «распечатываются» наличием в его жизни иерархий, доминантного положения и власти, которая, как известно, разлагает, а

«абсолютная власть разлагает абсолютно». Иными словами, в господстве над другими людьми человек очень рискует разблокировать свои природные программы поведения и «одичать», «озвереть», вновь став при этом существом вороватым, как и его животные предки.

Эти факты и обстоятельства позволяют сделать несколько важных выводов, необходимых для построения государственной антикоррупционной политики. Становится понятным, что взыванием к совести чиновников, повышением их образованности и довольствия, установлением им в целях смягчения коррупционной мотивации новых льгот и привилегий природно-бессознательные предпосылки коррупции не искоренить. Более того, в этих случаях ситуацию с ростом масштабов коррупции можно только значительно усугубить. Также недостаточны, хотя и нужны, контроль за деятельностью госаппарата со стороны гражданского общества и формирование антикоррупционного мировоззрения у населения. Однако эти чисто общественные меры являются лишь паллиативом, имеющим временный эффект.

Гораздо важнее в антикоррупционной политике создать эффективную комбинацию системных решений по формированию соответствующего законодательства, норм и институтов – с мобилизацией персональной ответственности за должностное поведение. И увеличить таким образом риск, цену потерь (свободы, имущества, общественной репутации, хорошей пенсии, авторитета в семье) и нестабильность для коррумпированных должностных лиц. Ведь в отличие от преступлений страсти, типа убийства, когда преступник вообще не думает о возможности быть пойманным и лишенным свободы, лица, вовлеченные в коррупционную деятельность, обычно знают законы, которые они нарушают, и тщательно скрывают свои деяния. Поэтому такой природный инстинкт, как страх, устрашение является ключевым фактором в сокращении сферы действия коррупции и обуздании разрушительных инстинктов должностных лиц, чиновников. В противном случае без страха перед строгим правоприменением и последовательным

осуществлением антикоррупционной политики коррупцию будут воспринимать как «малорискованную и высокоприбыльную» деятельность.

Кроме того, в силу принципиальной непреодолимости природных программ важно ликвидировать, где только возможно, сам потенциал коррупционного поведения, скрытый достаточно часто в принимаемых в нашей стране законах. Для этого нужна их квалифицированная и вездельная антикоррупционная экспертиза. И следует по возможности исключить личный контакт чиновников с населением, опосредуя его, например, Интернетом. Четкая и детальная регламентация должностных действий чиновника также будет содействовать изживанию коррупционных деяний.

Но, главное, антикоррупционная политика как очистительный механизм для государственной машины должна осуществляться постоянно и системно, а не хаотическими действиями и политическими кампаниями, приуроченным, например, к выборам. Только тогда мощь влияния деструктивных природных склонностей человека может быть снижена, а государство станет более чистым и эффективным инструментом в решении общественных проблем.

Литература

1. См.: Латино-русский словарь. Сост. И.Х. Дворецкий. Изд. 5-е. 1ч. (лат.). М.: Русский язык, 1998.
2. Гоббс Т. «Левиафан» или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936. С. 234.
3. См.: «Аргументы и факты». 30 марта – 5 апреля 2011. С. 4.
4. См., например: Ермаков Ю.А. Феномен коррупции в сознании горожан. // Теневая экономика: проблемы диагностики и нейтрализации. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2004. С. 156-168.
5. В описании инстинктивных программ поведения приматов автор почти дословно берет примеры из статей Дольника В.Р.

«Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев» // Природа, № 1-3, 1993г.

Злотников А.А.,
г.Гомель

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ
ДЕПУТАТОВ ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ПО
МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Объектом исследования выступали совершеннолетние жители Гомельской области, при отборе респондентов использовалась квотно-пропорциональная выборка. Доверительная вероятность 95%. Статистическая ошибка выборки 2,5 %.

Полевые работы были проведены в июне, июле, августе 2012 года. Опрос производился по месту жительства, учебы и работы респондентов.

После проверки анкет на достоверность, полноту заполнения и содержательность ответов к обработке и анализу были приняты ответы 1005 респондентов.

Результаты социологического опроса говорят о низком уровне политизированности электората Гомельской области. Респонденты не испытывают потребности в изучении специфики работы законодательной власти. Только 3% опрошенных отмечают, что они хорошо знают, какую работу депутат Палаты представителей Национального собрания проводит в их округе, 26% – знают частично, а 71% – совсем не знают. Нет ярко выраженного стремления у граждан Гомельской области к изучению содержания работы депутатов, представляющих их округа. Только 4% респондентов отметили, что хорошо знают, в какой комиссии работает депутат Палаты представителей Национального собрания, 18% – частично знают, а 78% – совсем не знают.